

водяные очень похожи на людей. Они дружат с крестьянами, скрашивают пастухам своим присутствием долгие часы работы. Те делятся с ними едой, припасенной в узелках. Причем вкус водяного лишь слегка отличается от человеческого: так, водяной очень любит пироги и свежий хлеб с маслом, но не любит сливовый джем (каждый раз смывает его водой), ест клецки, но без подливки (он не переносит растительного масла, называя его «деревянным»), любит печеную картошку, обожает табак и пиво [Сироватка, Шрамкова 1982, 55–56, 64–65, 71, 75–79; Вениг 1975, 71–74].

Интересно, что водяной плохо переносит сырость: «*Tenhle hasrman Hunčo tuže držel na teplo, asi měl z věčného čvachtání v studené vodě všechny kosti prolezlé zimou. Není divu, že se táhl sedláčkům do chalup a nahřívá si u pece loupání a píchání, co se mu usadilo v celém těle*» («Этот водяной Гунчо очень любил тепло, наверное, от вечного чупаханья в холодной воде все его суставы задеревенели. Не удивительно, что он ходил по крестьянским избам и грелся у печей, прогревая свои прострелы, которые были у него во всем теле...») [Сироватка, Шрамкова 1982, 75].

Таким образом, мы можем констатировать, что водяной в чешском фольклоре предстает фигурой противоречивой, иногда враждебной, но чаще всего доброжелательной по отношению к человеку. Тем не менее, если люди впервые в жизни встречаются с водяным, они его опасаются, предполагая его враждебность, способность нанести вред. Но хотя водяной осознается как существо иное по отношению к человеку, многие черты и привычки роднят его с людьми. Такой подход отличает чешский фольклор от русской традиции, в которой водяной является однозначно враждебным человеку персонажем.

Литература

Левкиевкая 2004 — Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2004.

Максимов 1991 — Максимов С. В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила: Трилогия. Кемерово, 1991.

Сироватка, Шрамкова 1982 — Sirovatka O., Šrámková M. Devětkrát les, třikrát ves. Lidové pověsti z Hané. Ostrava, 1982.

Вениг 1975 — Weniğ A. České pověsti. Praha, 1975.

Н. Е. КОТЕЛЬНИКОВА
(Москва)

КТО ОХРАНЯЕТ КЛАДЫ?

Клады всегда привлекали и сейчас привлекают внимание самых разных людей. Клады ищут черные археологи и водолазы, клады являются одним из важнейших источников для исторической науки, рассказы о таинственных сокровищах служат основой фильмов и компьютерных игр, даже популярный в российской провинции детский журнал называется «Найди клад».

В русской фольклорной традиции клад — один из наиболее таинственных и многоликих образов. В рассказах о кладах смешалось всё: древнейшие мифологические представления о богатствах земных недр и их хозяевах, исторические сведения о сокровищах, спрятанных и потерянных во время войн и других событий, в них отразилась актуальная сегодня как никогда человеческая страсть к большим, но не заработанным честным трудом деньгам. Не менее разнообразен и жанрово-стилистический мир народной прозы о кладах. Несмотря на внешнюю пестроту, можно выделить ряд достаточно определенных в сюжетном и жанровом отношении типов текстов (См. об этом: [Котельникова 1999]). Один из них — повествования, которые посвящены кладам, охраняемым сверхъестественными силами — следует рассмотреть подробнее.

Они немногочисленны, и записи их относятся в основном к XIX и началу XX в. В современных публикациях и архивных материалах последних десятилетий сюжетные рассказы о встрече человека с охранником клада почти не встречаются.

Клад в народных рассказах выступает одновременно и как реальное сокровище, и как некая потусторонняя субстанция. Контакт человека и клада осуществляется разными способами и происходит в различных ситуациях. Во многих случаях клад проявляет инициативу и является человеку в облике животного, человека или предмета, другими словами, клад в этой группе рассказов можно охарактеризовать как самостоятельный персонаж. Если человек не растеряется и выполнит предписанные традицией

действия, то клад рассыплется деньгами и человек обретет богатство. Данная ситуация обычно описывалась следующим образом: «клад давался» (См. об этом: [Котельникова 2004]).

В основе сюжетов повествований об охраняемых кладах лежит иная ситуация: инициатором контакта является не клад, а человек. Герой рассказа добровольно вступает в общение с иным миром, поддавшись искушению получить богатство, которое им не заработано. Клад выступает в данном случае как объект действия, а человек при попытке овладения кладом сталкивается с другим самостоятельным активным персонажем — нечистой силой, охраняющей клад. Эта встреча является кульминацией сюжетов в рассказах данного типа.

А. Н. Афанасьев в своих «Поэтических воззрениях» так охарактеризовал это явление: «Клады оберегаются огненными змеями (драконами), колдунами и нечистой силою, которая пугает кладоискателей страшными видениями: то слышатся им удары грома, дрожит земля, клонятся к земле деревья и катятся с гор огромные камни; то несутся на них стаи хищных птиц, скачут бешеные кони, бросаются черные собаки и черные кошки; то пробегают нечистые в виде различных чудовищ, со свистом, гамом и дикими криками: режь, бей, губи! В толпе демонов является и самая Смерть — костлявый скелет, дыша пламенем и шелкая зубами» [Афанасьев 1994, 365].

Исследователи славянской мифологии выделяют специализированный мифологический персонаж, который связан с кладом и может иметь разные названия [Власова 1995]. О нем упоминали и некоторые авторы XIX в., например С. В. Максимов: «В южных окраинах Великодержавии этот дух зовется “кладовиком”, а подручные его “кладенцами”... В Белоруссии этот дух превратился в маленького бога Копшу, которого просят указать место кладов и помочь их отыскать, а при удаче благодарят, оставляя в его пользу известную часть добычи» [Максимов 1912, 171—173]. Однако образцы народных рассказов с сюжетами, где действует называемый подобным образом персонаж, в русской традиции практически не встречаются.

В языческом представлении, по мнению Н. Я. Аристовой, «клады мыслились как предмет, который можно достать при

помощи материальной силы. Каждый клад имел так называемого мифологического охранника» [Аристов 1867, 710]. Представления о нем, пишет В. К. Соколова, восходят к древнейшим представлениям о богатствах земных недр, о духах, их хозяевах, которые позже стали считаться нечистой силой [Соколова 1970, 189]. Эта линия, возможно, продолжается в уральских рассказах о хозяевах полезных ископаемых. А в рассказах о кладах, имеющих предметную форму, выработался самостоятельный мифологический персонаж. Д. К. Зеленин связывал его происхождение с злыми покойниками, которые на том свете становятся представителями нечистой силы [Зеленин 1999, 20]. Действительно, сторожами кладов часто становятся люди, убитые разбойниками [Котельникова 2006, 58].

Трансформация языческих представлений, происходившая под влиянием христианства, изменила отношение к кладам. В «Сказании о Борисе и Глебе» о кладах говорится следующим образом: «Аще бо или серебро, или золото скровлено будет под землею, то мнози видят огонь горящ на том месте, то и тоже диаволу показующу сребролюбивых ради» [Аристов 1867, 710]. Согласно христианскому мировоззрению, вообще нельзя хлопотать о богатстве от диавола.

Постепенно образ охранника клада размывался, происходило смешение с образом нечистого, что и отразилось в текстах устных рассказов: «*А тут и подошла к ним черная корова (знамо диавол), да одного из них как ткнет рогом в бок*» [Бурцев 1902, 103].

В. П. Зиновьев считал, что все внешние проявления клада: свечение, явление в виде людей, животных и предметов, охрана клада сверхъестественным существом — всё это различные проявления деятельности черта, а все рассказы о волшебных кладах, таким образом, сближаются с быличками о черте [Зиновьев 1974, 54—55]. Более правомерной представляется постановка вопроса о взаимовлиянии разновременных напластований, слившихся в образе охранника клада. В период радикального изменения нарративной традиции, затухания ее классических жанровых форм определенную унификацию претерпели все мифологические персонажи, тем не менее, мы можем выделить их некото-

рые самобытные черты. Так и охранник клада, хоть и называется в рассказах часто просто «нечистой силой», проявляет свои специфические особенности. Такой особенностью можно считать закрепленность за данным персонажем определенной функции — охранять конкретный клад. Стереотип поведения охранника может быть двояким: он может пугать человека, мешать ему, но может и помогать. Например: «*Вдруг слышит: "Возьми икону и иди вперед, а весь клад за тобой пойдет!" Так он и сделал. Взял икону и пошел, и клад за ним пошел. И вот разбогател с тех пор. Самый богатейший человек стал*» [Смирнов 1921, 1]. Что же касается черта, то в несказочной прозе это персонаж всегда отрицательный, приносящий человеку только вред. Двойственное же отношение к охраннику и как к вредителю, и как к помощнику роднит его с традиционными духами природы и дома. «Черт всегда несет в себе зло, он никогда не выступает в качестве благодетеля, как иногда леший, водяной и особенно домовый» [Померанцева 1985, 199]. Например, леший, обычно опасный для человека, может предупредить об опасности, показать пастуху волков [Зиновьев 1987, № 51, № 52].

Образ охранника неотделим от образа клада, важнейшей характеристикой которого он (охранник) является. Представления об охраняемых кладах и рассказы, основанные на них, не изолированы от поверий и рассказов о кладах, показывающихся человеку в различных обликах. Не всегда даже можно определить, с кем встречается человек — с кладом или охранником. Особенно ясно проявляется это взаимодействие тогда, когда повествование теряет связь с конкретным случаем и приобретает ярко выраженную форму бывальщины. Например: «*...идет он берегом и видит: на другом берегу человек таскает что-то кошелем из воды в лодку. Ударил в колокол на погосте, и человек вдруг пропал. Крестьянин обошел озеро, подошел к лодке и видит, что она полна рыбьим клеском. "Не клад ли?" — подумал мужик; набрал клеску полные карманы и воротился домой. Дома он опорожнил карманы, захватил мешки и опять пошел на озеро к тому месту, но лодки уже не было. Тогда мужик пошел к заутрене. Воротился домой из церкви, захотел посмотреть свою находку, а вместо рыбьего клеску сере-*

ро» [Азбелев 1992, № 212]. Клад может являться человеку сам в каком-либо облике и при этом быть охраняемым: «*Раз, говорит, как-то шла мимо них ночью баба из нашей деревни, и появилась на них тетеря. Сидит и светится ровно тебе золотая, так и блестит. Только она хотела ее схватить, вдруг откуда ни возьмись множество охотников, как почали они все стрелять, так баба едва ноги унесла, не помнит, как и до дому добежала...*» [Смирнов 1921, 6—7]. Охранник может первым обратиться к человеку, как это делают клады в образе человека или предмета, например: «*...идет и видит — из лесу вышла женщина вся в белом. "Не надо ли, — говорит, — мужичок, тебе денег?" — "Коли, — говорит, — не надо, дворицу бы переправить, по хозяйству кое-что изладить!" — "Так пойдём, — говорит, — в лес, я тебе денег дам*» [Там же, 7]. Таким образом, охранник клада не только является нечистой силой, чертом, но и имеет черты самостоятельного мифологического персонажа. Контакт с нечистой силой никогда не проходит для человека безнаказанно. А в случае обречения клада пусть редко, но все-таки возможно дальнейшее благополучное существование нашедшего сокровище.

Наиболее характерным началом для рассказов об охраняемых кладах служит указание на местонахождение клада. В отличие от самостоятельно показывающихся кладов, ареал появления которых ограничен, как правило, местами жизни и деятельности человека (дом, хозяйственные постройки, лес, берег реки), клады, которые сторожит нечистая сила, расположены в стороне от человеческого жилья и приближены к приметным природным объектам — горе, острову, озеру, одинокому дереву, огромным камням и другим местам, которые могут иметь сакральный статус. Такая локализация отражает связь образов охраняемых кладов с древнейшими языческими обрядами и оберегами [Криничная 1977, 107]. На местоположение клада часто указывает огонь. Там же может являться некий персонаж, объединяющий в себе и сверхъестественную ипостась клада, и его охранника. В качестве примера можно привести рассказ о кладах, хранящемся на старом городище с Самаровского, в 500 верстах к северу от Тобольска: «*Давно это было, если верить старикам, очень давно. Плыл самаровец на одноде-*

ревке, кажись с покоса. Глядит: на верху того, эвон, что белеет, Городищенского мыса горит матерая (большая) свеча. Испугался он. — Что за напасть! Докуль (пока) живу, экого дива не видывал! — Приехал в село, скликал народ, рассказал. Покачали головами самаровцы: — Дивья-бы (будь-бы) он пьян был, бат, а то мужик тверезый, основательный! Побежали на гору — так ничего нет; воротились назад, посмотрели с реки — всамделе (действительно) свеча горит, опять на гору — там опять ничего, и так кажный раз. Прошло не много не мало, ден восемь, ехал другой самаровец с переметов (рыболовные ловушки), глядь: на Городищенском мысу, на том самом месте, где видели свечу, белая девка на золотом коне ездит» [Кузнецов-Тобольский 1896, 738].

Помимо того, что клады имеют специфическое месторасположение и связаны с чудесными огнями, их иномирная природа проявляется в том, что во многих случаях основным источником информации о кладе для героя рассказа становится сон: *«Раз привиделся ему сон: приходит к нему старичок да и говорит: “Послушай, Вася, ступай ты нынче с лопатою в Протопопов заказ да подними камень, что подле болота — там клад» [Якушкин 1983, № 221]; «К приказчику во сне явился Святитель Николай Чудотворец и посоветовал ему объявить родственникам Твердышова, что деньги покойным защиты в мертвую подушку и лежат с ним в гробу» [Садовников 2003, № 112л].*

Способ трактовки образа клада в каждом конкретном рассказе связан с определенным комплексом правил поведения человека при контакте с данным кладом. Для того чтобы клад, самостоятельно явившийся человеку в каком-либо облике, «рассыпался» деньгами, существует общий ритуал, который варьируется в зависимости от особенностей местных поверий. В одних местах любой клад, явившийся человеку в зооморфном, антропоморфном или предметном виде, нужно ударить наотмашь, в других — «зачурить» или «зааминить» и т. д. В случае же с охраняемымикладами кроме общих правил поведения во время поисков клада (см. об этом: [Котельникова 2005]) существуют и специфические для каждого конкретного клада условия.

Герои рассказов об охраняемыхкладах черпают информацию об условиях

овладения ими из различных источников, например из вещей снов: *«Если пойдешь со своим кровным племянником или племянницей, а нет, так с кем-нибудь из близких родственников, клад ей откроется» [Смирнов 1921, 17].*

Иногда условия могут быть общеизвестны, например: *«...пошли искать клад, рассказано было, где найти, и как взять, и все такое»; «Две хлебницы рыли по наслуху...» [Садовников 2003, № 112о].*

Во многих случаях рассказы отразили традицию обращения в трудных жизненных ситуациях к знающему человеку: *«Смекнули они, что дело не чисто; думали да думали, судили да рядили, и порешили миром: зарыт этта-ка (здесь) клад, и клад очень большой! Но клад, известно дело, просто не дается. Послали за знахарем: как быть? Что делать? Тот погадал-поворожил. — Надо, баэт (говорит), выкуп белой девке дать, али девичью голову, али кошачью» [Кузнецов-Тобольский 1896, 738].*

Иногда информацию о местонахождении клада и условия овладения им сообщает человеку представитель потусторонних владельцев сокровища: *«Вот на Троицу все ушли в деревню плясать, только хозяин старик остался дома. Приходит женщина к нему (а он лежал в избе на полу). Приходит высокая черная баба и говорит: “Федот Федотович, мы сегодня уезжаем и оставляем сундук в поскотине. Скажи малому брату: шел бы он туда ночью, убирал этот сундук. В этом сундуке хватит ему и его детям на всю жизнь. Только шел бы один”» [Вятский фольклор 1996, № 303].*

Правила обращения с кладом в устных рассказах могут совпадать с нормативами, принятыми в сказках о добывании волшебных вещей, что называется, «по умолчанию». Но в случае их неисполнения главным героем в действие вмешивается сила, представляющая собой типичный образец охранника клада — персонажа, для сказки не характерного. Например: *«Шел, шел, доходит до крутой горы. Видит в ней дверь; он вошел. В первой комнате все лодки с золотом; пошел дальше (а комнат много), в последней комнате стол накрыт, а за ним сидит немая девица. На столе — вино и закуска. Вот он подошел, взял золотую чарку, налил вина и выпил; кубок — за пазуху и во все места золота из лодок насыпал. Выходит, а над дверями серебряные*

наборные уздечки висят. Он взял одну; как только вышел, напал на него конный народ, вроде казаков, избили его и отняли деньги» [Садовников 2003, № 112ж].

Основным средством создания образа охранника является описание его внешности и действий. «В ту же минуту над головой его раздался громовой удар; он поднял голову и обомлел. Выпустил из рук лопату: белая девка на золотом коне стояла над ямой, зловецке сверкая очами...» [Кузнецов-Тобольский 1896, 738].

Нечистая сила, охраняющая клад, может принимать самые разные обличья. Во-первых, это могут быть вооруженные люди: солдат, войско, конный народ, множество охотников и т. п., например: «...клад этот стерегут 12 чертей в виде солдат с ружьями; некоторые видят их в полдень и в полночь, другие слышат, как они в это время выпаливают из ружей» [Аристов 1867, 718]. Во-вторых, клад охраняет человек. Обычно это старик или женщина в белом одеянии, по вариантам белая барыня, белая девка на золотом коне, также оборотень в виде знакомого рассказчику человека. Охранник может сильно напугать кладокопателя: «...едва он коснулся щупом плиты, которая покрывала котел с сокровищем, как выскочил оттуда цыган да за ним. Смелчак до того перепугался, что на другой день помер» [Там же, 720]. В-третьих, при попытке овладеть кладом человек сталкивается со всякими животными ужасного вида и другими страшилищами. Это могут быть черные кошки, черная корова, огромная лягушка, медведь, огненные змеи, гарманы, чудища, церберы и другие, например: «А с другой стороны выходит громадных размеров медведь. Курулев стал подходить к кусту, как встанет на дыбы, пена изо рта, и прямо на Курулева пошел...» [Комовская 1961, № 62]. Их может быть много: «Ехали один раз из Ночевалова на Денежную горку клад искать, а там и быки, и волки разные, кричат, визжат. Так они от страха и вернулись домой» [Черепанова 1996, № 394]. В-четвертых, кладоискателей пугают различные стихийные явления и голоса: «В лес только зашли — и вдруг откуда ни возьмись ветер, начал деревья ломать да их вершинами хвостать. Они бежат из лесу. А кто-то им вслед приговаривает и хохочет: “Тебе одному велено идти, а ты на что брата привел?”» [Вятский фольклор 1996, № 303]. Все эти страшные яв-

ления могут совмещаться: «...многие со- вались доставать его, но все разбегались со страху, когда во время рытья начнут представляться то огненные змеи, то пальба пушечная, то катящиеся громадные камни» [Аристов 1867, 717]. Есть рассказы, в которых клад охраняют те, кто его положил, обычно разбойники (См. об этом: [Котельникова 2006, 59—60]).

Конкретная реализация образа охранника в каждом рассказе непосредственно связана с творческой задачей и манерой рассказчика или того человека, который пересказывал текст или готовил его для публикации. При информативной направленности текста, лаконичной манере повествования, ориентированной на изложение основного действия и его результата, описание охранника будет кратким: «Деньги в этом погребе караулят какие-то церберы, пребольшущие собаки. Были делаемы попытки отыскать деньги, но безуспешно: церберы не допускают» [Криничная 1991, № 222]. Если же рассказчик разворачивает текст в соответствии с традицией устного рассказа типа былички, цель которого не столько передать информацию, сколько вызвать сопереживание, эмоциональный отклик слушателя (или читателя в случае публикации), то и образы становятся более зримыми, описание — более подробным и красочным. Восклицательные знаки в напечатанном тексте, к сожалению, лишь в малой степени могут помочь представить себе всю экспрессию устного рассказа, создаваемого талантливым исполнителем, удивительную атмосферу страшного и необычайного, свойственные быличке. «Пришли на вал, начали рыть клад и, спустя короткое время, заступом стали задевать за чугунную доску. И пошел от Баратаевки гул, зык, рев такой, что земля под ним задрожала!.. Услыхали они страшный крик и видят — по валу идет к ним медведь — не медведь, человек — не человек, а сами не могут понять, что за чудовище. По одежде будто солдат! Глазищи — как плошки; так и прядают, как свечи; рот до ушей, нос кривой, как чекушка, ручищи — что твои грабли; рыло все на сторону скошено...» [Садовников 2003, № 112]. Для создания более яркого образа используются и увеличительные суффиксы, и усилительные частицы, и сравнения, и звуковая характеристика. Нагнетает эмоции описание чувств кладоискателей, столкнувшихся

с охранником, и бытовые подробности событий: *«Поднял над ними престрашный кулачище; они испугались, бросились от него бежать что есть духу, а чудовище все топало и кричало: “Вот я вас, шкуры эдакие!” Бежали они до паперти храма Иоанна Предтечи; тут без памяти и упали. Их добрые люди опрыскали водой, думая, что с усердными христианами случился обморок в храме»* [Там же].

Особую достоверность образу охранника клада придают указания на храбрость и ум того, кто отправляется искать клад. Чтобы в дальнейшем слушатель осознал и прочувствовал всю серьезность страшных явлений, описываемых в повествовании, рассказчик сразу характеризует кладоискателя как очень смелого или сообразительного человека, которого не так просто напугать или озадачить: *«Только нашелся один смельчак...»* [Аристов 1867, 720]; *«...человек он был не робкого десятка»* [Там же, 717]; *«Уж сват Федор не нам чета: умный мужик, хоть с барином поговорить — не полезет в карман за словом»* [Якушкин 1982, 220].

Действия охранника обычно соответствуют его внешнему виду, в отличие от самостоятельно действующего клада, поведение которого с его обликом часто не соотносится. Так, вооруженные люди (или человек), которые нередко охраняют клад, как правило, стреляют, медведь рычит и т. п. Речевая характеристика используется редко и лишь в тех случаях, когда охранник имеет человеческий облик. Данный персонаж обычно делает краткие замечания и редко вступает в диалог.

Несколько особняком стоят рассказы, в которых человек имеет какие-либо отношения, иногда договорные, с нечистой силой, владеющей кладом, как это бывает в бытовых сказках. Описания облика охранников отсутствуют, а персонажи проявляют себя только через свои действия: *«Ну, и наверняка дознались, что он берет эти деньги прямо из клада в полночь на первый день Великого поста, и после этого раза хворает всякий год на первой неделе. Значит, нечистые дать-то ему дадут, да отомнут ребры. И завсегда уж на прощенный день он нальжется страсть как, чтобы то есть в пьяном-то образе было не чувствительно»* [Аристов 1867, 719].

Человек, с которым вступает в контакт охранник клада, как правило, муж-

чина, в отличие от рассказов о кладах, предстающих в различных обликах, в которых с кладом чаще сталкиваются женщины и дети. Вероятно, это можно объяснить тем, что человек сам проявляет инициативу в поисках сокровищ, а клад не является неожиданным богатством. Хотя страсть к кладоискательству в реальной жизни отличала и многих женщин; например, одна крестьянка так верила, что «на дворе Филиппа Самсонова положен клад на 104 миллиона рублей», что растратила все свое состояние на попытки добыть достоверные планы и достать этот клад [Витевский 1893, 414—415].

Точно по типу рассказов об охраняемых кладах построены повествования о поисках папоротника как средства для обнаружения клада. В них место клада занимает папоротник, а сюжетная схема, система персонажей и другие особенности повествования сохраняются. Поверья о папоротнике и других волшебных травах составляют самостоятельный поливалентный комплекс народных представлений, который только частично пересекается с суевериями о кладах. Папоротник независимо от кладов охраняется нечистой силой, например: *«...мужику захотелось еще раз все знать. Он пошел ночью в лес, сорвал цветок папоротника и решил переночевать в лесу. Ночью ему снились черты, их дикий крик. Один черт подбежал к нему и спрашивает: “Ну-ка, где, сыночек, папоротник?” Мужик достал его и показал черту. Черт выхватил его, захохотал и убежал»* [Зиновьев 1987, № 173].

Папоротник и разрыв-трава дают кладоискателю возможность определять местонахождение богатства и воздействовать на охранников. Папоротник имеет второе название — *кочедыжник*. *«Доселе еще в деревнях нет примера, чтобы кто-нибудь мог сорвать цвет кочедыжника, кроме чародеев. Цвет кочедыжника имеет силу: владеть нечистыми духами, повелевать землею и водою, отыскивать клад, делать невидимкою. Вся эта сила будет принадлежать тому, кто сделается обладателем этого цвета. При отыскании земляных богатств кладоискатели бросают цвет кочедыжника вверх. Если где есть клад, этот цвет будет носиться над ним, как звезда, и прямо упадет на землю»* [Сахаров 1997, 82].

Если папоротник необходим для обретения власти над силами, связанными

с природой, — «природными духами», то разрыв-трава помимо воздействия на металлы имеет влияние на нечистую силу, призванную человеком, — «социальных духов»: «В народных преданиях доселе есть поверие о кладах, скрываемых по разным местам. В старину, говорят старики, разбойники зарывали награбленное имущество в землю на известное число лет, запирали железными дверьми с огромными замками, а ключи бросали в воду. Сила человеческая недостаточна бывает для разрушения этих дверей и замков, потому что нечистая сила, которой поручено стеречь клад, защищает его своею спиною. Кто же может бороться с нечистою силою? Русский поселянин бежит от такой борьбы. Кладкопатели издерживают большие суммы на полученные разрыв-травы» [Там же, 82—83].

Итак, справиться с охранником клада может только очень сильный, смелый и умный человек, владеющий необходимой информацией и способный выполнить все необходимые условия. Однако это случается чрезвычайно редко. Как правило, охраннику удается отпугнуть кладоискателя.

В заключение необходимо отметить, что образы охранников кладов встречаются в устных рассказах, образующих специфическую группу повествований. В жанрово-стилистическом отношении эти рассказы тяготеют к быличкам, а охранников кладов можно поставить в один ряд с такими мифологическими персонажами, как черт, леший и домовый.

Литература

- Аристов 1867 — *Аристов Н. Я.* Предания о кладах // Записки РГО по отд-нию этнографии. Т. 1. СПб., 1867.
- Афанасьев 1994 — *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1994.
- Бурцев 1902 — Полное собрание этнографических трудов А. Е. Бурцева. СПб., 1902. Т. 2.
- Витевский 1893 — *Витевский В. Н.* Клады и кладоискатели на Руси // Известия Общ-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. 1893. Т. 11. Вып. 5.
- Власова 1995 — *Власова М.* Кладовый, кладовый бес, кладенец, кладовик // Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995. С. 177—179.
- Вятский фольклор 1996 — Вятский фольклор. Мифология / сост., вступит. ст. и коммент. А. А. Ивановой. Котельнич, 1996.
- Зеленин 1999 — *Зеленин Д. К.* Древнерусский языческий культ «заложных» покой-

ников // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917—1934. М., 1999. С. 17—34

Зиновьев 1974 — *Зиновьев В. П.* Жанровые особенности быличек: учеб. пособие. Иркутск, 1974.

Зиновьев 1987 — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Комовская 1961 — *Комовская Н. Д.* Предания и сказки Горьковской области. Горький, 1961.

Котельникова 1999 — *Котельникова Н. Е.* Стабильные повествовательные компоненты в несказочной прозе о кладах // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб., 1999. Т. 30. С. 215—229.

Котельникова 2004 — *Котельникова Н. Е.* «Это клад попадал нам...» (Облик клада в фольклорной прозе) // Традиционная культура. 2004. № 3. С. 57—62.

Котельникова 2005 — *Котельникова Н. Е.* Нормативы, связанные с обретением клада, в русской фольклорной прозе // Славянская традиционная культура и современный мир. М., 2005. Вып. 8. С. 75—81.

Котельникова 2006 — *Котельникова Н. Е.* Тема разбойничьих кладов в народной несказочной прозе // Традиционная культура. 2006. № 4. С. 55—65.

Криничная 1977 — *Криничная Н. А.* Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах» // Советская этнография. 1977. № 4. С. 105—111.

Криничная 1991 — Предания Русского Севера / сост. Н. А. Криничная. СПб., 1991.

Кузнецов-Тобольский 1896 — *Кузнецов-Тобольский Е. В.* Кладоискание и предания о кладах в Западной Сибири // Тобольские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1896. 27 июня. № 25.

Максимов 1912 — *Максимов С. В.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 18. СПб., 1912. С. 171—183.

Народная проза 1992 — Народная проза / сост. С. Н. Азбелев. М., 1992. (Библиотека русского фольклора. Т. 12).

Померанцева 1985 — *Померанцева Э. В.* Русская устная проза. М., 1985.

Садовников 2003 — Сказки и предания Самарского края / собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 2003.

Сахаров 1997 — *Сахаров И. П.* Русское народное чернокнижие. СПб., 1997.

Смирнов 1921 — *Смирнов В. И.* Клады, паны, разбойники // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 26. Кострома, 1921. С. 1—51.

Соколова 1970 — *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М., 1970.

Черепанова 1996 — Мифологические рассказы и легенды русского Севера / сост. и коммент. О. А. Черепановой. СПб., 1996.

Якушкин 1983 — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. 1. Записи П. И. Якушкина. Л., 1983.